

Статья из газеты ТВР Панорама, 2005 год

Завершая работу над романом «Гибель дивизии», который в конце прошлого года выпустил в свет Издательский Дом «ПетроПресс», я дал себе слово организовать поездку в Леметти, пригласить тех, у кого там в «зимнюю войну» погибли отцы.

Таких людей немало в нашем крае. Дело в том, что в 18-й стрелковой Краснознаменной дивизии сражались бойцы и младшие командиры, резервисты, призванные, в основном, из Карелии. Сегодня некоторым их детям уже под семьдесят. Я знаю многих из них, некоторые помогали мне, когда я писал книгу, которая, к моей радости, пользуется у читателей большим успехом.

И вот мечта сбылась. При помощи Военно-исторического общества и лично его ответственного секретаря Алексея Ремизова, руководителя одного из петрозаводских бюро путешествий Сергея Прибыткова тридцать человек на комфортабельном автобусе выехали в Питкяранту.

...Утро стояло безоблачное, а только мы подъехали к местам боев, к Долине смерти, небо заслонили черные тучи. Это было как символ, как подсказка оттуда, свыше, чтобы в сердце нашем на весь день поселилась печаль. Мы это и сами понимали, да по-иному и не могло быть. В Питкяранте, в местном музее, нас ждали, широко распахнули двери и окружили теплом и заботой. Заведующий отделом культуры мэрии Андрей Орлов сказал, что наш приезд в канун 85-летия Карелии на места кровопролитных боев, которые вела 18-я дивизия, — это еще одно подтверждение того, что никто не забыт и ничто не забыто в истории нашей республики.

В музее есть зал, посвященный советско-финляндской войне. С каким вниманием вглядывались приезжие в многочисленные фотографии на стенах! Ведь эти молодые ребята в буденовках, в танкистских шлемах воевали с их отцами, Старое, ржавое оружие, красноармейские звездочки с шапок, комиссарская золотистая нашивка, горсть ржавых монет, горка стреляных гильз... На стене большая схема движения дивизии по дороге от Кяснясельки до нынешнего Креста Скорби. Здесь, у хутора Южное Леметти, дивизия и танковая бригада остановились, здесь они были окружены и отсюда прорывались к своим в конце февраля 1940 года.

Дочь начальника политотдела дивизии Альбина Разумова передала музею фотографии

отца. Ольга Ильина, дочь политрука Павла Гулятя, тоже подарила бесценную фотографию папы, стоявшую у нее на письменном столе.

Сотрудник музея, добрейший Геннадий Стахно и опытный поисковик Александр Аксентьев повезли нас на места последних боев, в лес у хутора Леметти. Именно здесь был последний оплот, здесь находился штаб 18-й дивизии и 34-й танковой бригады. Вот они, следы обороны: окопы, траншеи. Хорошо видно, где были расположены землянки, ямы, над которыми стояли зимние палатки. На этом лесном пятачке находились около четырех тысяч окруженных бойцов. Два месяца ожесточенных боев, два месяца страшного голода и холода. Перед нами глубокая, длинная яма, посреди стоит бензиновая бочка с прорезью сверху — это печка, она согревала их в те горестные дни. И еще одна яма с бочкой, и еще. А в этой - чудом сохранившаяся «шурочка» — заводская печка с дверцей, с поддувалом, скорее всего тут жили командиры. Вот ржавая храснозрмейскал каска, рядом разбросаны винтовочные гильзы, на бруствере вросшие в землю, сроднившиеся с ней патроны. А чуть впереди размещался медсанбат, кто-то находит здесь пустые ампулки из-под йода. Неподалеку — пункт связи. Сохранились батареи питания!

Шестьдесят пять лет прошло, а все перед нами. Это же музей. под открытым небом, музей горести и надежды, музей солдатской славы! Здесь должна быть незарастающая тропа для нашей молодежи, для ветеранов.

...Переходим на другую сторону дороги. Тут совсем недавно Геннадий Стахно нашел наш танк, вкопанный в землю. Тогда он уже был не танком, а орудием. Разве это не музейный экспонат? У руководителей Питкярантского района штаб дивизии в Леметти на особом месте — к окопам, к землянкам проложены новые пешеходные мостки. Геннадий Стахно, Саша Аксентьев ведут нас дальше и дальше и рассказывают, рассказывают — ведь здесь из приезжих никто, кроме меня, никогда не был. На месте бывшей землянки Альберт Кипрушкин кладет на ржавую бочку алые гвоздики. Может, здесь бедовал его отец? Кто-то нашел хвостовой стабилизатор финской мины, а что, если это она влетела сюда, в палатку, и скосила всех, кто сидел, греясь у бочки? Незаметно проходит час, другой. И вот мы уже у братских могил. Первоначально на этой поляне была небольшая могила командиров. А нынче огромное захоронение — не окинуть взглядом. Сколько их тут спит вечным сном? Десять, двенадцать, пятнадцать тысяч? Из- окружения вырвались всего 1237 человек — все, что осталось от дивизий и танковой бригады, У братской могилы несколько старых мраморных плит. Леонид Тетерин нашел имя своего отца. Два десятка фамилии. А остальные?

Альбина РАЗУМОВА:

— Помню, как я помахала папе из окошка рукой и он уехал на «эмке». В 1940 году мы с Мамой приезжали сюда на свежую могилу. И вот я снова здесь. Нет фамилии отца. Сердце каменеет в груди.

Алексей ФОКИН:

— Мне было восемь лет, когда похоронка пришла. Помню.мама плачет все дни. Папу увезли на полуторке в сентябре 1939 года, говорили, что на сборы.

Сосед вырвался из окружения, рассказал нам, как батюшку убили. Самолет наш бросал им продукты. Отец вызвался притащить мешок с сухарями. Они ведь голодали страшно, лошадей всех съели. Пополз, притащил. И снова пополз. Тут снайпер финский и застрелил его.

Альберт КИПРУШКИН:

— Отца я не помню — три годика мне было, когда он ушел воевать. Мама была в положении, так что сестренка моя родилась уже после гибели папы. А как он погиб, неизвестно. Папа служил связистом в 12-м гаубичном полку. Так и росли мы сиротами. Как я завидовал тем, у кого были отцы! Три моих дяди и тетя воевали На «зимней войне...»

Ольга ИЛЬИНА;

— Мой лапа, Павел Михайлович Гультай, был храбрым человеком. Когда остатки дивизия прорвали окружение и стали выходить к своим, к Питкяранте, завязался бой. Люди больные и голодные пали духом. Мой папа первым поднялся, увлек всех за собой, и они вырвались. Папа тогда был очень сильно контужен, и это с ним осталось на всю жизнь. В мае 1940 года Михаил Калинин вручил ему орден Красного Знамени.

Кирилл ПАТЕНКО:— Как я рад этой поездке! Слово увидел войну своими глазами. У окопа, на месте боя, я нашел красноармейскую каску. Стал думать, кого она спасала. Кто этот человек? У него, наверное, был сынок. Меня в эту поездку ваяли потому, что я написал реферат "Советско-финляндская война 1939-1940 годов" и получил отличную оценку. Я только что окончил 9-й класс, очень люблю историю Отечества, мечтаю заниматься историей, причем военной историей. Мне сказали, что меня могут принять в члены Военно-исторического общества Карелии. Буду от счастья на седьмом небе.

Герман ЧУМАКОВ: — Нашему Военно-историческому обществу еще нет и года. В его составе ученые, историки, писатели, журналисты, студенты. Меня избрали председателем правления. Мы ведем активную работу. Членами общества Веригиным и Лайдиненом написана и издана книга «Финская разведка против Советской России», вышел сборник «Партизанская война в Карелии». Переводим интересную книгу финского автора «Оккупация Петрозаводска». Провели ряд конференций, и вот очередное наше мероприятие — поездка на места боев 18-й дивизии. То, что мы увидели в Леметти, потрясает. Это место должно стать заповедной зоной, музеем скорби и героизма.

„Поздним вечером мы уезжали из Питкяранты. Небо прояснилось, оставив лишь на закате алую полосу.

97-й полк прикрывая дивизию; растянувшись на дороге, с севера. Где-то вот тут погиб отец Александра Креккиева. Мы остановили автобус, и Александр Васильевич поднялся на высокую скалу и положил на уступ цветы. Красные гвоздики хорошо было видно с дороги, и мы долго глядели на них из окон автобуса, который мчал нас по новенькой прямой дороге международного класса, по той земле, где шестьдесят пять лет назад сражалась 18-я дивизия.

Анатолий ГОРДИЕНКО

ТВР Панорама, 2005 год

Читать еще: [Гибель Дивизии](#)